

Траектория, форма жизни и единство жизненного пути: к уточнению понятия траектории в поведенческих науках

Дмитрий Куракин

Ключевые слова: траектория, форма жизни, жизненный путь, биография, нарративная идентичность, автономия культуры, метафора.

Что такое траектория и как ее целесообразно изучать?

Понятие траектории, используемое в поведенческих науках, является одним из примеров импорта метафор из математики и естествознания. Траектория – это след материальной точки или физического объекта в некотором выбранном исследователем пространстве признаков. Что происходит, когда это понятие начинают использовать социологи, антропологи, экономисты и психологи? Что мы должны принимать в расчет, если хотим работать с этим заимствованным понятием корректно и продуктивно? Как следует уточнить определение жизненной траектории, с учетом прагматики ее бытования в поведенческих науках и преемственности по отношению к оригинальному узусу? Вот основные вопросы, на которые мы планируем дать обоснованные ответы.

Уровень обобщения: индивидуальные и коллективные траектории

Одна из основных проблем переноса понятия траектории в сферу поведенческих наук состоит в выборе объекта приложения и уровня обобщения. С одной стороны, траектория – это след, который жизненный путь каждого человека оставляет в пространстве измеримых признаков. С другой стороны поведенческие науки, такие как социология и экономика, чаще интересуются не отдельными индивидами, но их совокупностями. В последнем случае возникает искушение говорить о траекториях социальных групп, классов, поколений или даже целых обществ. А следом за ним – проблема, как это может быть сделано, с учетом разнообразия жизненных судеб отдельных людей.

Пожалуй, меньше всего затруднений возникает при уточнении понятия индивидуальной траектории, и это неудивительно, поскольку оно ближе всего к своему оригиналу. Подобно тому, как траектория физического тела может быть ясным образом описана в пространственных и временных координатах, жизненный путь человека фиксируется в координатах институциональных, т.е. тех, которые создаются социально значимыми и институционально различимыми событиями: рождением, обучением, браком, работой и т.п. Выбор системы отсчета, в данном случае находящийся под очевидным влиянием повседневных практик жизни современного человека (таких как заполнение «паспортичек» и служебных бланков в госучреждениях и составление CV и формальных характеристик для работодателей), является отдельной важной темой, на которой мы не можем остановиться здесь подробнее. Однако с определением самого объекта, изменение которого во времени подлежит фиксации, проблем, как представляется, не возникает.

Иначе дело обстоит с агрегированными траекториями социальных групп, претендующими на отображение динамики сразу многих индивидуальных жизненных путей. Имеют ли «физический

смысл» подобные обобщения, или они являются артефактом исследовательской процедуры, условностью, порожденной формализмом аналитического аппарата? Если искать ответ в исходной области экспорта метафоры траектории, не обращая пока еще к специфическим особенностям человеческого поведения как сферы приложения заимствованного понятия, то существует, по-видимому, два способа рассуждения, придающих понятию неиндивидуальной траектории конкретный смысл.

Первый способ: когда мы говорим о *типичных траекториях*, то есть о динамической характеристике множества объектов, сходным образом меняющихся во времени. К примеру, когда речь идет о потоке частиц, индивидуальные траектории которых сходны и могут быть адекватно описаны посредством некоторой обобщающей их как бы индивидуальной траектории. По сути, речь и идет об индивидуальной траектории группы объектов.

Второй способ рассуждения: когда мы говорим не о какой-либо фактической траектории, а об идеальной траектории как об общем принципе. Примером из области естественных наук является «баллистическая траектория» – воображаемая кривая или даже совокупность кривых, отражающих общий принцип, стоящий за движением бесконечного многообразия реальных или виртуальных объектов в гравитационном поле. В поведенческих науках этот принцип может быть сформулирован не в виде общего закона, а в виде некоторой смысловой конструкции (например, аскетизм, маргинальность, перфекционизм, резильентность и т.д.). Этот тип мы будем называть «*траектория как принцип*».

Наконец, «траектория» может выступать как абстракция, не имеющая конкретного смыслового воплощения и не сводимая к конкретным жизненным путям. Фактически, это вырожденный случай использования понятия, и его необходимо упомянуть в данном контексте лишь потому, что он является одним из наиболее распространенных в реальных исследовательских практиках социологических и экономических исследований. В этих случаях анализируются закономерности статистически усредненного влияния одних событий и факторов жизни людей на другие, разнесенные по времени. К примеру, влияние образования родителей на шанс детей поступить в университет. Такие исследования связаны с выявлением причинно-следственных связей, однако понятие траектории в данном случае используется скорее в «техническом» смысле: такого рода анализ действительно требует предварительного выявления событий индивидуальных жизней, однако его выводы не связаны с описанием и пониманием устройства конкретных траекторий. Более того, попытки спроецировать результаты такого рода исследований на субстантивное понятие траектории чреваты логическими ошибками¹.

Итак, на этой предварительной стадии рассуждения мы выделили четыре возможных толкования понятия траектории: индивидуальная, типичная, траектория как принцип и траектория как абстракция, не имеющая конкретного смысла. Первые три способа построения понятия требуют более детального категориального анализа, связанного с учетом контекста поведенческих наук и им посвящена данная статья. Четвертый способ представляет собой техническое использование термина и не требует никаких дополнительных уточнений.

¹ Одним из проявлений такого рода ошибок является субстантивизация «среднестатистического человека». В пределе это ведет к артефактам, подобным тому, что средний человек – наполовину мужчина, наполовину женщина.

Траектория и единство жизненного пути

Связность траектории

До сих пор мы обсуждали только формальные аспекты использования понятия траектории. В этом разделе мы сфокусируемся на содержательных следствиях того, что оно применяется именно к жизненному пути человека или группы людей. Для этого мы сосредоточимся на метафорическом переносе, в результате которого и возникает понятие жизненной траектории. Метафора лежит в основе любого научного термина: солидарность, структура, культура, стратификация, мобильность – вот лишь немногие и наиболее очевидные примеры. Для того, чтобы выстраивать осмысленную прагматику концептуальной работы, важно проанализировать возможности экспансии исходной метафоры в новую исследовательскую область (Константиновский, Вахштайн, & Куракин, 2013: 21-37). Неконтролируемая экспансия является одним из основных свойств метафоры, которое проявляется в том, что метафора, создавая пространство интуитивной ясности, предписывает идеям свойства и характеристики не только в рамках намерения теоретика, воплощенного в определении понятия, но и за его пределами. Явно и неявно структурируя мышление исследователей, метафора заставляет понятие в известной мере «жить своей жизнью». Работа теоретика – ограничить проявления этой «жизни», по возможности поставив ее в ясные и контролируемые рамки научного метода.

Что именно метафора траектории «контрабандой» привносит в поведенческие науки? Прежде всего, представление о целостности и непрерывности жизненной траектории. Физический объект, передвигающийся в пространстве, не может внезапно исчезнуть и возникнуть в другом месте – все изменения его положения характеризуются преемственностью по отношению к предшествующей истории. В случае, когда вместо последовательных положений физического тела в трехмерном пространстве мы имеем дело с событиями человеческой жизни в пространстве социальных институтов и экзистенциального опыта, используемое нами понятие предписывает определенную картину мира. Действительно, согласившись использовать понятие траектории применительно к жизни человека, мы тем самым соглашаемся, что отдельные события и этапы этой жизни – «точки» жизненной траектории – обладают преемственностью друг по отношению к другу и являются взаимно проясняющими друг друга частями единого целого – человеческой жизни.

Целостность траектории

Математическая метафора траектории заставляет нас сделать и следующий шаг. В естественных науках любая измеренная кривая обычно аппроксимируется некоторой математической функцией, которая рассматривается как «закон», стоящий за эмпирическими явлениями, и объясняющий как траекторию в целом, так и любую ее точку в частности. Следовательно, понятие траектории в поведенческих науках имеет смысл лишь тогда, когда мы способны вменить целому человеческой жизни некоторые охватывающие объяснения, которые выводят любое ее событие из общих принципов жизненного пути как единого целого. Иными словами, если исследователь говорит о некотором явлении как о событии какой-либо жизненной траектории, он имплицитно

или эксплицитно подразумевает целостность этой траектории, характеристики которой способны прояснить смысл и значение самого этого события².

Осмысленность траектории

Итак, жизненная траектория вольно или невольно рассматривается как целостность исследователем. Менее очевидно, но не менее важно, что жизненный путь рассматривается как целое и самими действующими индивидами. Это проистекает не только из понятия траектории, но из важного свойства современной социальной жизни, в силу которого люди воспринимают собственные жизни как целостные и осмысленные единства. Так, любое событие человеческой жизни, а тем более решение, принимаемое человеком, воспринимается в контексте памяти о прожитом и предвосхищения будущего.

Эта форма восприятия жизни исторически-специфична и стала возможной благодаря сложным процессам, среди которых изменение восприятия времени, пространства и социальных общностей (Андерсон, 2001). Одной из наиболее влиятельных и продуктивных теорий, объясняющих такое видение человеческой жизни, является концепция нарративной идентичности, согласно которой нарратив, или рассказ о жизни – актуальный или лишь возможный – является тем образцом, который структурирует восприятие и самопонимание современных людей (Ricoeur, 1988, 1991; Макинтайр, 2000). Иными словами, любой опыт воспринимается, осмысливается и рассматривается людьми как часть единой могущей быть рассказанной истории жизни³.

Принцип «двойной герменевтики», как его называл Энтони Гидденс (Giddens, 1976), в данном случае проявляется в том, что логическая конструкция и метафорические основания понятия траектории находят отражение в реалиях современной жизни. Действительно, если бы единство траектории было бы лишь артефактом исследовательской процедуры, реконструкция смысла человеческого действия через построение его связи с идентичностью действующего, историей его жизни и охватывающие их объяснительные принципы, была бы невозможна. Мы интерпретируем действия индивидов только в допущении, что такого рода интерпретации в принципе не являются бессмысленными для самих действующих (Giddens, 1976; Гирц, 2004; Уинч, 1996).

Следовательно, любое решение, принимаемое человеком, такое, например, как в какой университет поступить или какую профессию выбрать, следует рассматривать не как «атомарное», но как расположенное во временной перспективе, включающей как предыдущие, так и ожидаемые будущие события и решения. Как отмечал один из классиков теории нарративной идентичности, Аласдер Макинтайр, «поведение характеризуется адекватно только в том случае, если мы знаем, что включают долговременные и самые долговременные намерения и как кратковременные намерения соотносятся с долговременными» (Макинтайр, 2000).

² См. об этом, также, в (Kurakin, 2014).

³ Эмпирические подтверждения этого тезиса обширны и многообразны. В качестве одного лишь примера можно привести психологические исследования о роли автобиографии как жанра, рассказывания историй о жизни как актуальных практик и таких материальных объектов как детские фотографии в самоосмыслении человека (Nourkova, Bernstein, & Loftus, 2004).

Методологические ориентиры: идиографический и номотетический методы в анализе жизненных траекторий

Образование научных понятий тесно связано с выбором методологических оснований познания. Какие методологические выборы проистекают из сформулированных нами утверждений и введенных терминологических уточнений? Для ответа на этот вопрос обратимся к введенному Вильгельмом Виндельбандом и разрабатываемому Генрихом Риккертом (Риккерт, 1998) различению «номотетического» и «идиографического» методов⁴. Номотетический метод – это способ познания, который ориентирован на импликацию общих законов, стоящих за явлениями. Идиографический метод, напротив, нацелен на изучение единичных объектов, чье своеобразие доступно познанию только при условии реконструкции уникального сочетания его элементов.

В целом номотетический метод характерен для естественных наук, а идиографический – для исторических, однако, как показывает Риккерт, они не эксклюзивны для каждой отдельно взятой научной дисциплины, но представляют собой две логических возможности научного познания единой действительности⁵. Это очень важное уточнение Риккерта, которое вносит размежевание с идущим от Вильгельма Дильтея (Дильтей, 2000) и очень распространенным в XIX веке, а отчасти и по сей день представлением, что научные методы, как и сами науки, делятся *по своему объекту* на науки о природе и науки о духе. Риккерт же показывает, что такое разграничение чревато непреодолимыми сложностями, поскольку, например, «дух» может изучаться психологами как идиографически, так и номотетически, если иметь в виду изучение физиологии мозга и основ высшей нервной деятельности.

Вместо этого Риккерт вводит разделение *по предмету и методу*, и вместо спекулятивного и трудноопределимого дильтеевского понятия «дух», использует понятие «культура»⁶, имея в виду объекты, в которых внимание исследователя усматривает «то, что или непосредственно создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям, или, если оно уже существовало раньше, по крайней мере, сознательно взлелеяно им ради связанной с ним ценности» (Риккерт, 1998: 55). Таким образом во главу угла здесь ставятся не столько характеристики объекта изучения, сколько способ его познания⁷. Критерием при этом служит способ образования понятий, т.е., фактически, то правило, согласно которому исследователь отделяет значимое от незначимого. В рамках номотетического метода значимое – это то, что является проявлением *общего закона*, т.е. во многих случаях (хотя и не во всех), более распространенное. Привычная социологическая и экономическая работа со статистическим анализом представляет собой образец номотетического познания.

⁴ Строго говоря, Риккерт в основном пользуется парами понятий «науки о природе»/«науки о культуре» и «генерализирующий»/«индивидуализирующий» метод познания, но в целях нашего изложения их отличие от терминов, введенных Виндельбандом, не представляется значимым.

⁵ Риккерт цитирует емкую формулировку Виндельбанда: «Действительность становится природой, если мы рассматриваем ее с точки зрения общего, она становится историей, если мы рассматриваем ее с точки зрения индивидуального» (Риккерт, 1998: 75).

⁶ Культуру Риккерт вкратце определяет как «совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями и лелеемых ради этих ценностей» (Риккерт, 1998: 59).

⁷ Устоявшийся русский перевод дефиниций Риккерта «Kulturwissenschaft» и «Naturwissenschaft» как «науки о природе» и «науки о культуре» в данном случае несколько запутывает дело, поскольку для Риккерта «науки о культуре» и «науки о природе» – это вовсе не те науки, которые изучают, соответственно культуру и природу. Именно в этом контексте их, вероятно, более уместно было бы перевести как «культурные науки» и «естественные науки». В т.ч. поэтому мы предпочитаем пользоваться терминами Виндельбанда «идиографический» и «номотетический» метод.

Способ образования понятий в идиографическом методе познания иной. Существенное здесь определяется как *значимое*, или, если еще точнее, *общезначимое*, т.е. значимое для исследователя, а также могущее быть значимым для действующего, как и для всякого культурного человека. Для неокантианцев это означает – соотнесенное с той или иной ценностью⁸.

Методологические импликации для исследования жизненных траекторий

Из сформулированного можно сделать как минимум следующие два вывода. Во-первых, в рамках идиографического метода понятие траектории можно рассматривать только субстантивно, а не технически; и наоборот, если определять траекторию не технически, а содержательно, то исследовать ее необходимо в первую очередь идиографически. Траектория, «жизненный путь» или «жизненный курс»⁹ – это осмысленное единство, имеющее значение и представляющее ценность и для исследователей, и для действующих индивидов. Во-вторых для идиографического метода индивидуальная история развития объекта исследования представляет исключительный интерес. Это отличает его от номотетического метода, который антиисторичен, в том смысле, что любые процессы изменения рассматриваются в его рамках не как часть уникальной и именно потому значимой истории, но как проявления общих законов. Для идиографического способа описания история, напротив, является одним из важнейших конститутивных элементов самого изучаемого явления.

В совокупности это предопределяет эпистемологический приоритет идиографических методов для исследования траекторий, если последние рассматриваются в субстантивном, а не техническом смысле. Траектория по самой своей конструкции исторична, тогда как номотетический метод антиисторичен. Для траектории, как мы показали в предыдущем разделе, важно то, что она рассматривается как целое не только исследователем, но и действующими индивидами. Далее мы будем считать обоснованным, что выделенные нами ранее субстантивные подтипы понятия жизненной траектории (индивидуальная, типичная и траектория как принцип) должны рассматриваться по преимуществу идиографически, а понимаемый технически подтип понятия – траектория как абстракция, не имеющая конкретного смысла – номотетически.

Типичные траектории как формы жизни

В поисках охватывающего принципа: «форма жизни» против «габитуса»

«История жизни», как утверждает Пьер Бурдьё в своем эссе с говорящим названием «Биографическая иллюзия», «это одно из тех понятий здравого смысла, которые незаконным путем проникли в научный мир» (Бурдьё, 2002: 75). Рассуждая о биографии и индивидуальной истории, Бурдьё выявляет здесь те же скрытые импликации, которые мы зафиксировали выше,

⁸ Риккерт поясняет это так: «И история, подобно естествознанию, подводит особенное под 'общее'. <...> [Однако н]е общий естественный закон или общее понятие, для которого все особенное есть лишь один частный случай наряду с множеством других, а культурная ценность есть 'общее' истории; культурная же ценность необходимо связана с единичным и индивидуальным, в котором она постепенно развивается, т.е., иначе говоря, она сочетается с действительностью, превращая ее тем самым в культурное благо» (Риккерт, 1998: 100).

⁹ «Life course» и «life span» – понятия, во многом аналогичные «траектории», но каждое из них в существенной степени связано с определенными подходами и авторами.

применительно к понятию траектории, однако занимает при этом противоположную позицию. Его неприятие такого подхода весьма показательно и напрямую вытекает из оснований его теоретизирования и прежде всего из редукции культуры к классовым отношениям.

Если культура не автономна, а жизнями людей управляют принципы, внешние по отношению к ней, то осмысление жизни как единого целого, придающего смысл отдельным эпизодам, действительно может быть только иллюзией. Ведь эти эпизоды в этом случае являются частями других целостностей (например, в случае Бурдые, полей и рынков), а вовсе не тех, что люди по ошибке присваивают к своим мнимым жизненным траекториям. При этом концепция нарративной идентичности превращается у Бурдые из инструмента познания – в теоретическую ловушку, куда исследователь попадает вслед за действующими: «трактовать жизнь как историю <...> равноценно принесению себя в жертву риторической иллюзии, общим представлениям о существовании, укреплять которые литературная традиция никогда не переставала»¹⁰ (Бурдые, 2002: 78).

Мы не будем останавливаться более подробно на критике теории Бурдые с позиций автономии культуры (Alexander, 1995), отметив лишь, что зафиксированные нами ранее эпистемологические приоритеты в исследовании траекторий с необходимостью требуют солидаризироваться с этой точкой зрения. Действительно, теория Бурдые по сути допускает лишь техническую, не субстантивную трактовку понятий траектории и биографии. Смысловые рамки, в которых действующие рассматривают свой жизненный путь, находятся ли они под определяющим воздействием романа или иных литературных жанров и социальных практик, играют ключевую роль в реконструкции как индивидуальной, так и коллективной траектории.

При этом, однако, теория Бурдые содержит очевидный для всякого теоретика и имеющий серьезный аналитический потенциал инструмент для анализа как индивидуальных, так и типичных траекторий – понятие «габитус». Действительно, габитус охватывает и характеризует индивидуальность актора или группы акторов, его социальную обусловленность, а также каузальную эффективность – способность воздействовать на восприятие, принятие решений и осуществление жизненных выборов. В силу этого габитус может претендовать на то, чтобы быть ключом к социологическому объяснению траекторий, будучи частным воплощением общего принципа, довлеющего над течением событий. Важно и то, что габитус – коллективно созданный и коллективно разделяемый конструкт. Вследствие этого он может характеризовать не только индивидуальные, но и типичные траектории. То, что нам требуется, в соответствии с нашими установками – это аналог понятия габитус без нарушения принципа автономии культуры.

Одной из возможностей на этом пути является предложенная нами ранее (Kurakin, 2014) концептуализация Витгенштейновского понятия «форма жизни». Форма жизни образуется, когда

¹⁰ Бурдые, в частности, фиксирует, что «автобиографический рассказ всегда в той или иной мере руководствуется стремлением наделять описываемые события смыслом, выявить их причину, логические связи, одновременно направленные в прошлое и в будущее» и далее отмечает, что конкретное осмысление преемственности разных жизненных событий друг по отношению к другу и их видение в качестве частей единой истории жизни «обусловлены интересом, который может варьироваться в зависимости от места и *траектории*, которые интервьюируемые придают *биографии*» (Бурдые, 2002: 76. Курсив наш - Д.К.). Примечательно, что «траектория» здесь используется как более узкое понятие, нежели биография: если биография – это некоторая «объективная» последовательность событий, про которую неизвестно, обладает ли она цельностью или напротив аморфна, то «траектория» выступает в виде конкретной формы, цельной, осмысленной и обусловленной, в которую рассказчик по своему произволу облакает объективный материал биографии.

социальные практики входят в устойчивое зацепление с языковыми структурами и формируется коллективно разделяемое пространство осмысления опыта. Мы предполагаем, что все разнообразие жизненных траекторий или их подвида – траекторий людей в образовании и профессии¹¹, не образует континуума, но состоит из конечных образцов, способов ведения жизни, в известной мере отграниченной друг от друга. Смысл тех или иных решений и действий может быть ясен и очевиден внутри такого образца, и неочевиден, а иногда и абсурден за его пределами. Эти образцы мы и называем формами жизни.

Формы жизни могут быть предварительно определены как «социально сформированные коллективно разделяемые смысловые структуры, укорененные в материальных контекстах, влияющие на верования, притязания и решения, действующие на протяжении их жизненного курса» (Binder & Kurakin, 2015). В рамках этого рабочего определения мы акцентируем эпистемический приоритет идиографического познания смысловой составляющей форм жизни, не отказываясь, однако, от включения в описание материальных, экономических и властных отношений, которые наряду с культурой и мировоззрением формируют своеобразие той или иной формы жизни. Описать индивидуальную или типичную траекторию как форму жизни означает – реконструировать состав и композицию основных культурных структур и материальных обстоятельств как уникальную и устойчивую констелляцию взаимообуславливающих факторов.

Предложенное нами видение траектории как формы жизни позволяет объединить определенное нами на первом этапе рассуждения понятие «*траектория как принцип*» с каждым из двух других – *индивидуальной* и *типичной* траекторией. Поскольку подводя каждое из последних двух понятий под охватывающее описание, т.е. рассматривая его как форму жизни, мы в каждом конкретном случае подводим эту траекторию под действие реконструируемого нами принципа. Так, «типичность» траектории устанавливается через процедуру идеально-типического вменения, т.е. через соответствие принципу, признаваемого значимым, с точки зрения реконструированной нами формы жизни. Мы заключаем, что траектория – типичная, когда понимаем, как она устроена, и это понимание связано с выбранными нами эпистемическими приоритетами и ключевыми постановками вопросов.

Подводя итоги, уточним обоснованное нами в этой статье определение жизненной траектории в поведенческих науках. Траекторию можно рассматривать в содержательном смысле (учитывающем его происхождение из естественнонаучной/математической метафоры и особенности сферы, куда оно переносится – современной социальной жизни) – и чисто технически. В первом случае, который является предметом рассмотрения в данном тексте, основным способом познания является идиографическое описание, во втором случае – номотетическое. В рамках идиографического описания траектория должна рассматриваться как осмысленное единство и для исследователей, и для действующих индивидов. Траектория представляет собой реконструкцию жизненного пути одного (*индивидуальная траектория*) или многих индивидов (*типичная траектория*), рассмотренную как уникальное и исторически-специфичное сочетание культурных и материальных факторов. Для адекватного изучения траектории эта реконструкция должна выстраиваться на базе объяснительной конструкции,

¹¹ Мы выделяем этот подвида в качестве парадигмы и из-за конкретного исследовательского проекта «Траектории в образовании и профессии» (ТРОП), который стал поводом для данных размышлений, и потому что в современном мире решения, принимаемые индивидами относительно их образования и профессии, судя по всему, оказывают наибольшее структурирующее воздействие на всю человеческую жизнь. По крайней мере если выбирать из тех решений и сфер жизни, которые поддаются операционализации в социологическом исследовании.

охватывающей траекторию как смысловое единство. Одной, хотя и не единственно возможной, концепцией, позволяющей построить такого рода реконструкцию, является понятие формы жизни.

Литература

Alexander, J. C. (1995). *Fin de siècle social theory: relativism, reduction, and the problem of reason*. New York: Verso Books.

Binder, W., & Kurakin, D. (2015). *Biography and Form of Life: Toward a Cultural Analysis of Narrative Interviews*. Manuscript.

Giddens, A. (1976). *New Rules of Sociological Method: a Positive Critique of Interpretative Sociologies*. London: Hutchinson.

Kurakin, D. (2014). *Russian Longitudinal Panel Study of Educational and Occupational Trajectories: Building Culturally-Sensitive Research Framework* (No. WP 01/IE/2014). Moscow.

Nourkova, V., Bernstein, D. M., & Loftus, E. F. (2004). The biography becomes autobiography: Distorting the subjective past. *The American Journal of Psychology*, 117(1), 65–80.

Ricoeur, P. (1988). *Time and Narrative. Volume 3 / Tr. by K. Blamey and D. Pellauer*. Chicago: The University of Chicago Press.

Ricoeur, P. (1991). Narrative identity. *Philosophy Today*, 35(1), 73–81.

Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева*. (С. П. Баньковская, Ed.). Москва: Канон-Пресс-Ц.

Бурдые, П. (2002). Биографическая иллюзия / Пер. с фр. Е.Ю. Мещеркиной. *ИНТЕР («ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация»)*, 1(1), 75–81.

Гирц, К. (2004). *Интерпретация культур*. (А. Л. Елфимов & А. В. Матешук, Eds.). Москва: РОСПЭН.

Дильтей, В. (2000). *Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Том 1*. Москва: Дом интеллектуальной книги.

Константиновский, Д. Л., Вахштайн, В. С., & Куракин, Д. Ю. (2013). *Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации*. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

Макинтайр, А. (2000). *После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. В.В. Целищева*. Москва: Академический проект.

Риккерт, Г. (1998). Науки о природе и науки о культуре / Пер. с нем. под ред. С.И. Гессена. In *Науки о природе и науки о культуре* (pp. 44–128). Москва: Республика.

Уинч, П. (1996). *Идея социальной науки и ее отношение к философии / Пер. с англ. М. Горбачева и Т. Дмитриева*. Москва: Русское феноменологическое общество.

